

то на одного, то на другого» (Ibid. Col. 29 AB; ср.: Col. 57 C). Это, впрочем, и неудивительно: ведь «римские граждане, как мы знаем из истории, очень увлекались всем {240} эллинским, а множество наших эллинов даже и жили в Риме» Ibid. Col. 25 D). Римляне и эллины, по мысли Мануила Хрисолоры, — «два самых могучих и разумных народа», общими усилиями которых и была создана византийская цивилизация (Ibid. Col. 40 D).

К сожалению, процессу секуляризации культурных идей серьезно помешали религиозно-философские споры, охватившие византийское общество в середине XIV в., известные под названием исихастских и переключившие внимание деятелей византийской культуры этого времени на чисто богословские сюжеты, хотя и за этими богословско-схоластическими положениями крылся принципиальный спор о таких фундаментальных понятиях, как природа человека, его место в мире и его возможности в познании этого мира, как понимание нравственного идеала и реальной системы духовных ценностей, на основе которых должно зиждиться общество. Исихастам в значительной мере удалось прервать зарождавшиеся в Византии ренессансные тенденции. {241}

9

Особенности философской мысли в Византии XIV—XV вв.

Прежде чем ставить вопрос о новых явлениях в византийской философии, необходимо уяснить, что следует понимать под философией в системе знаний в Византии и существовала ли она там вообще¹. Действительно, о философии в собственном смысле слова вести речь применительно к империи XIV—XV вв. не так-то просто: в бесчисленных комментариях к сочинениям Аристотеля и других античных авторов преследовались скорее не философские, а филологические или же учебные («школьная философия») цели. Даже, казалось бы, специальные философско-космологические трактаты Никифора Хумна о природе мира, о первичных и простых телах оказываются на самом деле псевдофилософскими и напоминают скорее *ludus intellectualis*, упражнение в диалектических контрверзах, чем серьезное исследование о четырех элементах. Хумн не делает попыток не только преодолеть, но даже хотя бы наметить фундаментальные противоречия, содержащиеся в аристотелевских сочинениях «*De generatione*» и «*Метеорологики*», на которых между тем он основывает свои наблюдения. Фактически мысль Хумна и его современников не выходит за рамки «качественной» физики, а ее интерпретация представляет собой истолкование не столько феноменов, сколько текстов².

Зато многие философские вопросы решались в рамках теологии, с которой философия в средние века образует нерасторжимое единство, а некоторые теологические проблемы приобретали философскую окраску. Именно этот факт имел, по-видимому, в виду Феодор II Дука Ласкарис, когда говорил как о новой черте философии о ее своеобразном скрещивании с теологией, о замыкании всякой философской мысли на Христе, на христианском учении³. История взаимоотношений теологии и философии — это постоянное стремление первой к абсолютному господству над второй, к низведению философии до роли своей служанки (ибо аксиома «*philosophia — ancilla theologiae*», впервые сформулированная на христианском Востоке, но получившая признание на Западе, была в ходу и {242} в поздней Византии⁴) и, напротив, отчаянные и чаще всего обреченные на неудачу попытки философии освободиться из-под опе-

¹ Nikolaou Th. Grundlegende Gedanken über die byzantinische Philosophie // *Byzantina*. 1977. Т. 9. S. 169, 186. Ср.: Benakis L. G. Die theoretische und praktische Autonomie der Philosophie als Fachdisziplin in Byzanz // *The Eighth International Congress of Medieval Philosophy*. Helsinki, 1987.

² Verpeaux J. Nicéphore Choumnos, homme d'Etat et humaniste byzantin (ca. 1250/1255—1327). P. 1959. P. 130.

³ Hunger H. Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. München, 1978. Bd. I. S. 3. Anm. 3.

⁴ Podskalsky G. Theologie und Philosophie in Byzanz: Der Streit um die theologische Methodik in der spätbyzantinischer Geistesgeschichte (14/15. Jh.). München, 1977. S. 1.